

Алексей К. Смирнов
Пассажиры

Алексей Константинович Смирнов

Пассажиры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10009415

ISBN 9785447410018

Аннотация

Это маленькие рассказы-впечатления о поездах, троллейбусах, автобусах, трамваях и тех, кто в них ездит. Они накапливались, и вот их набралось достаточно, чтобы показать вместе, ибо концентрация всегда способствует лучшему впечатлению. Они создавались в дневниковом режиме, и этот налет сохранился.

Содержание

Желание	5
Ручьи	7
Гармонь	9
Кое о чем забыл	10
Гранин	11
Мешок	12
Путевая заметка	13
Акустика	15
Денисы и Дионисы	16
Что нужно делать, чтобы стать героем романа?	17
В Москву! В Москву!	18
Банда	19
Банда-2	20
Универсальный солдат	22
Форма и содержание	23
Колебательный политес	24
Зеркальные бездны	26
Пеннивайз	27
Код активирован	29
Боярыня	31
Беловоротничковая преступность	32
Под страхом казни	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Пассажиры

**Алексей Константинович
Смирнов**

© Алексей Константинович Смирнов, 2017

ISBN 978-5-4474-1001-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Желание

Иногда возникает желание придумать поезд.

Но все поезда уже придуманы. Пелевин, начитавшись Голубой стрелы, придумал Желтую. Уже существует Паровозик из Ромашкова. Есть жуткий поезд Блейн, за которого Кинг достоин безжалостного психоанализа – чего-то там насчет удержания и отпускания. Самый, по-моему, симпатичный поезд – у машиниста Лукаса работы Микаэля Энде (не путать, конечно, с писательницей Лукасом Ольгой, у нее нет поезда, но и она разъезжает туда-сюда, от Петербурга до Москвы и обратно).

Есть Достоевский поезд, разводящий своих мрачных пассажиров по угрюмым романам. Есть Толстовский, со следами Анны Карениной на осях-колесах. Даже была сомнительная скороговорка «поезда-поезда».

У Масодова есть атомный бронепоезд. У Сорокина – ломтевоз. У Корецкого – поезд с баллистической ракетой.

Поезд всемогущ, и советская группа «Земляне» обращалась к нему с такой, если я только ничего не путаю и не перевираю, молитвой: «Поезд, пока не поздно – надо любовь спасти».

Стоит на запасном пути, как нас уверяли на кафедре микробиологии, и наш бактериологический бронепоезд. А у Александра Покровского вообще не счесть поездов –

правда, они временно превратились в подводные лодки.

У Агаты Кристи есть «Восточный экспресс» и «Тайна голубого поезда».

Но хочется чего-то своего. С вагоном-рестораном и проводницами неизвестного назначения и следования. Что-то вроде Красной стрелы, только без почивших в бозе Хрюна и Степана с их подозрительными друзьями-попутчиками.

И красного цвета тоже, пожалуй, не надо. И долгих стоянок при буфетах. И чтобы станционный колокол по ком-нибудь звонил.

Теперь – откланяюсь и отправлюсь на самый обычный, зеленый поезд. Называется Электричка.

Ручьи

Ехал я вчера (тут у меня постоянное вчера-сегодня, пусть вас это не смущает, потому что наполовину дневник) в электричке: лето же началось. Ну, и люди начались. Что о нем скажешь, сидевшем напротив? Будто и ничего. Загадка, которых шесть миллиардов. Лет пятидесяти, в трениках, очень обиженный кармой: весь в бородавках; ведь бородавки – следы многократного кармического отягощения. Мне так, во всяком случае, рассказывали мудрые книги. У меня их на руках было полно, но я еще в школе свою карму выправил, и все они сошли от колхозных ядохимикатов, и мне теперь доброжелательно улыбается Будда. Иногда, правда, случится какая-нибудь немыслимая гадость, а Будда все лыбится, и начинаю сомневаться в адекватности его чувства юмора. Ну да Христос с ним, с Буддой.

Так вот: сидел он, весь в бородавочках, с болезнью даже, я бы сказал, Реклингаузена, при которой образуются многочисленные жировики, с собачьими глазами и телефоном в кармане. Телефон зазвонил, и он торопливо заговорил: да, я в Ручьях, буду дома через сорок четыре минуты, везу свежие грибы. Помолчал, выдержал удивленную паузу и пояснил: Строчки. Видно было, что он на что-то надеется, что очень рад строчкам. Благодаря этому грибному сбору ему зачтут один грех, и какая-нибудь бородавка

отвалится, отсохнет. Отлепится, сидит. И вроде, успокоился. И вдруг раскрыл пакет с этими ведьминскими строчками, понюхал оттуда и расстроился снова. Так расстроился один мой кот, когда лизал-лизал у себя под хвостом, а потом вдруг перестал, задумался и понюхал, и ему морду перекосило. Поэтому со своими строчками в пакете он, пассажир, ехал уже вконец опечаленный, безнадежный. Думал заслужить ими нечто, но выходило, что нет, не заслужил... Тоска в его глазах сгущалась с каждым километровым столбом, но только версты полосаты попадалися одне. Он начал нервничать, озираться, о чем-то бормотать. Ушел и унес свою носу в тамбур, ему стало невыносимо сидеть.

Гармонь

Впервые ощутил в электричке желание подать убогому гармонисту. Потому что он разбудил соседа напротив, который храпел так, что хотелось добавить ему насморка для полного перекрывания кислорода. Не подал: тот снова вырубился от веселой песни и сам подключился к основному инструменту своим, вспомогательным. «Детство, детство, ты куда ушло», – пел гармонист. А его аккомпаниатор уже давно сопел, как я догадался, о том же – с момента посадки и до самой высадки. Между прочим, на пальце у него было кольцо всевластья с рунами для транспортных срунов и храпунов.

Кое о чем забыл

Затеяв сериал о пассажирах, я по оплошности забыл называть кое-кого из тех, кого сам же и прихватил себе в попутчики. В частности, ехал со мною толстенный Фома по фамилии Аквинат, которого на богословских хлебах раскидало так, что он еще не полностью выгрузился из типографской пекарни, а уже претендовал на два места, имея в себе два тома, побольше и поменьше; на меньшего я приобрел собачий билет, но контролер был настроен против, хотя больший все налегал на какие-то индульгенции. Толстый Фома достал меня требованием обсуждать только те вещи, причины которых самоочевидны; мне же они самоочевидными не казались, и я заслушался историей другого своего спутника, Стивена Кинга, чей рассказ о Волках города Калы тоже не был самоочевидным, но зато довольно захватывающим. Да и места этот Кинг занимал поменьше Фомы, и вообще он угодил под колеса пять лет назад – меня по специфике прошлой – врачебной – профессии просто притягивают инвалиды, так уж написано на роду. А если какой монашествующий хомяк и угодил под телегу, то это уже совсем другой механизм травмы.

Гранин

Вчера в электричке расплачивался за праздное любопытство. В вагоне ехал старичок, как две капли воды похожий на писателя Даниила Гранина. Я Гранина однажды видел и отношусь к нему доброжелательно.

Я заинтересовался старичком и даже сел напротив, чтобы его изучать. Проклятый дед обрадовался и сразу вступил в разговор. Я спросил у него в лоб, не Гранин ли он («Кто такой?» – удивился старичок). Оказалось, что это железно-дорожник.

«Железная дорога», – бросил он проходившим мимо контролерам. Со строгим достоинством. Но потом его поволокло на литературу, он стал рассуждать о недавно почившем в бозе Быкове (Василе), Солженицыне, Николае Островском. И я задумался: может быть, это все-таки Гранин? Может быть, он просто очень скромный? Ведь поразительно был похож, феноменально. Одно смущает: зачем он назвался перед контролерами железной дорогой? Неужели сжульничал? Досадно такое крохоборство в известном писателе. Пожилой человек, между прочим, а я с ребенком был.

Мешок

Речь, вообще говоря, пойдет не о пассажирке, а о ее мешке.

Пассажирка – обычная дачная бабушка, хлебосольная, живенькая такая (неспроста!)

Мешок у нее завелся примечательный. С красными полосами поперек и красным шрифтом покрупнее и помельче: ПОДАРОК ИИСУСУ ХРИСТУ. ПОДАРОК ИИСУСУ ХРИСТУ В ДЕНЬ ЕГО РОЖДЕНИЯ.

Строчек восемь.

А из мешка проступает простенькое барахлишко; покупать что-то в фольге, яблочко.

Был такой мультик: «Подарок для самого слабого». Прислали в лес огромный ящик. Для зайчика, конечно. Ну, все самые слабые – волки там, лисы, медведи и не помню еще, кто там живет в лесу – передрались, доказывая слабость ума. А ящик открылся, и вышел оттуда Лев Рыкающий всех пожирать, кроме зайчика. Кто имеет мудрость, тот сделает вывод.

Путевая заметка

Электричка.

Едут: я. Неизвестный дедуля. Неизвестные сопровожда-
тельницы дедули, они же его спутницы.

Дедуля (с удовольствием повторяет четыре или пять раз):

– У меня удостоверение есть, – (втолковывает ахающим
от изумления соседкам). – Но я билет-то беру. Восемь руб-
лей – что мне? Смешно. Пятьдесят копеек зона. Зачем это
я буду за так ездить?

И его простое лицо улыбается. И все радуются за него
и за всех людей. И я радуюсь его простому улыбающемуся
лицу, сознательности которого радуются все другие люди.

«Жива страна, – думаю про себя, – коль не стоит село без
праведника». Бессознательно и без особого желания повто-
ряя живого покамест классика.

Пришел контролер. Никакого билета у дедули не было,
было удостоверение, но он и здесь не воспользовался доку-
ментом, а стал, наглядевшись на зайцев и обиженно повину-
ясь традиции, совать мытарю взятку достоинством в десять
рублей.

Я понял, что на дедулю в космической перспективе пола-
гаться нельзя. Его добронародная и просветленная простота
были вызваны склерозом и нарастающей энцефалопатией.

Но село все-таки стоит. У меня был билет. Да. Не все еще

СГНИЛО.

Акустика

Еду с дачи.

Слева – молодое семейство: он, она, некто вроде дочки и такса.

Едва уселись, такса затеяла омерзительный визг. Ехать мне было долго, и я расстроился.

Но умная псина поняла, где находится, быстро уgomонилась, и мои нервы успокоились соответственно. Электричка весело неслась, размахивая мороженым.

Однако вдруг я услышал скрипучие, газоиспускательные звуки, которые были во сто крат отвратительнее таксиных. Я никак не мог установить источник, крутил головой. Потом увидел и понял, что хозяин таксы, недовольный ее сном, будит ее, делая так губами. Та морщилась, но он не унимался и делал дальше.

Денисы и Дионисы

Сколь отрадно возрождение античной культуры стихосложения в двух дебильных молодых людях, что заняли переднее сиденье троллейбуса. Одиочное. Они сидели друг у друга на коленях, являя собой образчик патологии влечения. В своем недуге они утешали друг друга стихами.

Один читал громко и складно, что-то про крокодилов и плавание в бассейне с неизбежным кусанием – я не успел записать, к сожалению; потом – про кукушку, которая чешет ему часы.

Другой вторил тихо, но в унисон, судя по взаимному благодущию.

А троллейбус стоял на Литейной пробке, как влитой. Пробка образовалась на славу: поучительная и познавательная. Вокруг стояла тишина.

Когда двери распахнулись, влюбленная пара с клиническим – поверьте специалисту – диагнозом на лице, одним на двоих, в обнимку помчалась навстречу зоологическим чудесам, ради которых зоопарки не надобны, их везде предостаточно.

Что нужно делать, чтобы стать героем романа?

Не так уж много.

Чтобы попасть в мой роман или во что другое, человек может сделать, к примеру, такую вещь.

Напротив меня, в электрическом поезде, сидел юноша лет семнадцати-двадцати, и он слушал плеер (в роман попал). Без машинки вполне нормальный и заурядный, в соединении с плеером он вмиг обернулся редкостным идиотом. Веселое цоканье маршировало прямиком в мозговое представительство половых функций. Безымянный молодой человек полностью растворился даже не в музыке, а в предмете. Он не просто слушал цоканье, он облизывал плеер, слюнявил; изумленно отводил руку с плеером, чтобы рассмотреть его во всей полноте инженерного замысла. Потом подносил обратно к лицу, прикладывая то к левой, то к правой щеке — по-христиански. Глаза его плавали, ни на чем не задерживаясь, рот искривлялся в инопланетном резонансе.

В Москву! В Москву!

Мое путешествие было скромным и тихим, и все события подобрались какие-то скромные и тихие.

В поезде проводница остановила меня, когда я шел курить:

– Вы в который тамбур идете? – (подозрительно).

– Вон в тот.

– Вы настоящий пассажир!

Звучали и другие странные вещи. Например, некая мама урезонивала дочку: «Солнышко пропало – туалет закрыт».

...В самой Москве я по привычке глазел на разные явления. В метро попадались такие, каких я в Питере не видел – например, обучение танцу живота. У нас не учат почему-то, плетемся в хвосте у столицы. Еще в метро же висят большие рекламные щиты, где написано про какие-то волшебные крутящиеся кольца с молитвой. Девять, семь, три или одно?

Также: «Профилактика случайных связей». И лечение закономерных.

...Брат рассказал, что по площади Хо Ши Мина бродит врач-гинеколог, пассивный педераст, и всем предлагает за бутылку водки орально-генитальные услуги.

Банда

В нашем районе сформировалась банда карманников. Орудуют в троллейбусе №20.

Их все уже знают. Похоже, что они так и не довели до конца ни одного дела.

Стоит им втиснуться и вздохнуть с облегчением и надеждой, как контролер объявляет: «Осторожно, в троллейбусе карманники». Публика очень быстро их обнаруживает по рукам, трясущимся в естественных карманах и полостях тела. Салон наполняется радостным и свирепым узнаванием. Карманников изгоняют на улицу.

На улице те потерянно стоят, шипят и ругаются скверными словами.

Они, в основном, страшные тетки с расплюснутыми лицами. Есть еще один или два мужика, в перекрученном галстуке.

Их очень жалко.

Создается впечатление, что это вовсе и не карманники, а какая-то компания, которая некогда выпила боярышник и уже не может остановиться в галлюцинаторных метаниях.

Банда-2

Сегодняшнее происшествие.

Я втиснулся в автобус, а следом – женщина.

– Отдайте мой кошелек, пожалуйста, – обратилась она к пассажирам. – Там очень важные карточки. Заберите деньги, а кошелек отдайте.

Никто не шелохнулся.

Женщина монотонно повторила:

– Отдайте мой кошелек! Пожалуйста. Копейки заберите, а кошелек отдайте.

– Да кто же отдаст, – слышалось из толпы.

Появились первые гипотезы.

– Это женщина, которая на задней площадке мальчика искала! «Вы не видели тут Жорика? Жорика не видели?» Вот она и шныряла повсюду! Отвлекала внимание жориком! Никого не нашла и не расстроилась даже! И вышла!

Мне показалось, что это разумное предположение. Если в автобусе ни с того, ни с сего начинают искать жорика, то это очень подозрительно.

Потерпевшая уже помалкивала.

К моему изумлению, тема жорика плавно и неувовимо логично перетекла в обсуждение политических симпатий. Кто-то, оказывается, голосовал за Единую Россию, а кто-то за Зюганова. В диспут постепенно втянулся весь салон.

Вдруг я понял, что карманники — это все пассажиры автобуса, и это они сейчас отвлекают друг друга с тоски, потому что им больше некого грабить. Кроме меня. И я поспешил к выходу.

Водила, конечно, был с ними в доле. Видя, что я ускользаю от карманников, он вдарил по тормозам так резко, что у меня отлетела интимная пуговица.

Универсальный солдат

Картина: утреннее метро, станция «Нарвская». Эскалатор на подъем, самый верх.

Пассажиры, выруливающие на финиш, обнаруживают, что им навстречу перемещается солдат.

Здоровенный детина в камуфляже шагнул на лестницу-чудесницу и сосредоточенно движется как бы вниз. То есть идет на месте. Как заведенный, пригнув голову, размеренным шагом – чтобы и вправду не обогнать эскалатор. Лицо бесстрастное, каменное, трезвое, но лучше бы пьяное.

Развлекается на манер пятилетней «девочки, скажи во-семь».

Публика цепенеет, спешит куда подальше.

Через какое-то время воин привлек внимание местной секьюрити, на него гаркнули.

Вышколенный служивый сразу послушался, отошел в сторону и весело вынул мобилу.

Я присмотрелся – нет ли где регочущих однополчан и по-братимов, или подруг хотя бы. Не было никого.

Уже не важно, уйдет ли такой из части с оружием или останется в ней. Мысленно он давно отовсюду ушел. И холодно взирает на приключения скорлупы.

Форма и содержание

Ребенок вернулся из-за границы. Едем в метро.

«Очень непривычно, – заявляет, – что все вокруг по-русски говорят».

«Неважно, – отвечаю, – по-каковски; главное – что».

Ребенок с чувством закивал: да, мол.

И правильно: сели в поезд, а там гуляет огромная бабища. Торгует престижнейшим и элитнейшим журналом «Гламур». Ну, какая у нас элита в вагоне? Никакой. Никто и не покупает. Кесарю кесарево, а слесарю слесарево.

Бабища села со своим гламуром и вдруг заорала, глядя перед собой:

– Вот если бы пиво продавали, так сразу бы потянулись! Ебанный Ванька, женщине подарок не сделать!... А у меня отец воевал! Хоть бы все мужчины передохли!..

...За городом меня подкараулило еще одно хитроумное отличие от Парижа.

Дано: электрички по расписанию – в 18.12 и 18.34.

Изменение 26 августа: 18.12 пойдет в 17.49.

Приходит поезд в 18.20.

Спрашиваю кассиршу: что это за рейс?

Она, с жалостливым презрением: «Это 18.08».

Колебательный политес

Иду себе к эскалатору. Станция «Нарвская».

Посреди платформы – маленькая мимическая группа: два возбужденных человека, нахмуренный милиционер и заинтересованный станционный смотритель.

Милиционер (недоуменно и с угрожающими нотками):

– Вам что, вагона мало?

Первый человек:

– Это он меня вытолкнул!

Второй человек:

– Нет, гад, это ты меня вытолкнул!

Они, получается, не разошлись в дверях и выкинули друг друга из вагона.

Я вспомнил фрейдистов, которые утверждают следующее: если двое не могут разойтись в дверях и маневрируют вправо-влево, порождая синхронные колебательные движения, то этим якобы вежливым людям на самом деле хочется вступить друг с другом в половую связь. И я припомнил многие случаи, когда я с кем-то не мог разминуться, и ужаснулся своей латентной извращенности. Там ведь и женщины были, и дети, и ветераны войны, и даже, по-моему, комнатная собачка.

А эти двое – настоящие, здоровые мужчины. Никакого подсознательного умысла. Не умеешь посторониться – полу-

чи в рыло.

Зеркальные бездны

Мелочи обыденной жизни, как всегда, являют глазам зияющие пропасти.

Еду в троллейбусе. Сижу. Передо мной – какой-то дед, затылок седой.

Встревоженная контролерша болтается взад и вперед, трудовая пчела. Подошла, настороженно уставилась мне в левую бровь и спросила, обращаясь ко мне же, сидящему в единственном экземпляре:

– Молодые люди, я вас видела?

Откуда я знаю, чума, что ты видела.

Лучше бы не видела, потому что отражаться в сознании, которое напоминает треснувшее зеркало, опасно для здоровья. Вообще опасно отражаться в постороннем сознании. Хочется набросить на него платок, как на то же зеркало или, еще лучше, как на клетку с придурковатым попугаем.

Пеннивайз

Видел в метро клоуна, на станции Невский проспект, внизу.

Не рекламного зазывалу с листовками и пирожками, а вполне заурядного, бытового. Рассмотрел его только со спины: высокий, возвышается над всеми, как баскетболист; на голове – огромный зеленый цилиндр с широкими полями, примятый; фиолетовая куртка; белые с красным, очень пестрые штаны с такими широкими штанинами, что будто в мешках идет; желтые штиблеты. Длинные патлы, под мышкой – сумка-тележка в красную клетку.

Сосредоточенно ковылял к переходу на Гостинку.

Народ не особенно реагировал. Лет пятнадцать назад – да, пожалуй, а нынче ничего такого.

Я немного прошел следом, присматриваясь. Может быть, это материализовался чей-то герой – кинговский Пеннивайз или помельче, мой собственный. Мне иногда попадаются мои герои – бомжи, например, с котами на плече; один такой даже в метро проезжал.

В общем, ничего не понятно.

Не исключено, что это специальный аттракцион для местной милиции по случаю всеказарменного праздника. Непорядок, сгустившийся в неопознанный шагающий объект. Я думаю, контролерше хватит воображения не пропустить

клоуна без жетона, сунься он снова в метро, а милиции хватит фантазии посадить в обезьянник.

Код активирован

Однажды на станции я поймал разбойника.

Дело было так: шагаю я по платформе (метро «Кировский завод»), прямо к Ленину, который окаменел у дальней стены. Вдруг мне навстречу несется женщина лет 25—30, растрепа. Спотыкается на каблуках и орет:

– Помогите! Кто-нибудь! Телефон, мой телефон!..

Оборачиваюсь и вижу личность, которая во всю прыть улепетывает к эскалатору. И я побежал. Тут подошел поезд, и личность нырнула в последний вагон. Я – следом. Вижу: сидит, отдувается телефон крутит. Увидел меня и выскочил обратно на платформу, и я за ним выскочил. Догнал его, сбил с ног, отобрал телефон и вручил барышне.

Случай довольно заурядный, хотя я, конечно, не каждый день ловлю разбойников. Не стоило и рассказывать, когда бы не одно но: все эти погони, прыжки, удары совершенно не в моем обычае. Более того: я и не думал за ним гнаться, и сознание активно сопротивлялось, но только внутри вдруг включилась неизвестная программа. Я сорвался с места не думая, в секунду, ноги сами бежали, а все остальное тоже само делалось. А голова вообще не помогала, только жалобно и тщетно меня тормозила.

И вот я подумал, что, может быть, я на самом деле был когда-то опасным и секретным агентом, а потом мне стерли па-

мать, и я стал заниматься черт знает чем: писать всякую херню, переводить, редактировать, обед варить. Но в действительности во мне дремлет секретный материал, и фамилия моя – Икс-Файл.

Может быть, во мне скрываются и другие способности. Я ведь эту барышню потянул за рукав в вагон, чтобы уехать подальше от греха. Но она совсем обалдела и подумала, наверное, что я за этот телефон потребую от нее половой признательности, и не пошла. Двери закрылись, поезд поехал, и я видел, что разбойник уже снова ковыляет к барышне. Ну, если дуре написано на роду быть битой, то даже супермены бессильны. Но вдруг я сумел бы, как в фильме «Привидение», бесплотно просунуться сквозь стенку вагона и следить? Остановить поезд? Устроить с преступником дуэль в туннеле? Да мне теперь кажется, что запросто. Но я поздно сообразил и поезд уже далеко уехал.

Сейчас я думаю, что я вообще сложный и замаскированный полицейский робот.

Боярыня

Пустяк, но запомнился.

В метро мне не хватило места на лавочке сбоку, где помещаются три человека. То есть место было, потому что там отлично помещались целых два человека, но места этого было мало.

Вообще, место в метро оставляет в памяти след. Когда на выходе видишь, что туда, откуда ты только что встал, уже кто-то усаживается, внутри набухает иррациональное раздражение. Хочется, чтобы это сиденье пустовало всегда, в память о тебе, и поезд так бы и ездил.

И я сидел, как на жердочке. Я нынче не толстый и не худой – так, средний. Молодой человек слева был вообще худощавого, научно-исследовательского сложения: сидел, уткнувшись в какие-то бумаги.

Зато справа от меня расположилась скала.

Она не шевельнулась ни на дюйм и даже не дышала. Сидела плотно и умиротворенно, поблескивая перстнями. От нее слабо тянуло печкой. Лица я не видел и не стал смотреть, когда приехал, куда мне было нужно. Умозрение и без того перестраивало лавочку в розвальни, а женщина-скала трансформировалась в голосистую Боярыню. Которая едет в ссылку. За окнами темно, мелькают огни, объявляются следующие станции: Молочная, Говяжья, Докторская, Ветчинная...

Беловоротничковая преступность

Еду я давеча в метро.

И волей-неволей прислушиваюсь к разговору молодых людей, студентов.

Тема меня живо заинтересовала. Они вполне серьезно обсуждали, как бы это им исхитриться и сделать профессора, которому экзамен скоро сдавать, хронически недееспособным. Подумывали травить его снотворным.

– Раз проспит, два проспит...

– Это статья!..

– Нет, если снотворное, то никакая не статья!

Тут я вышел, а они так и продолжали вынашивать планы, поехали дальше.

Дома мы с женой обсудили ситуацию и решили, что это юрфак.

Типичное чистоплюйство, хитросплетения в духе Агаты Кристи, которые непременно раскроются. Чем умнее злодей, тем скорее он попадетсся.

Надо быть проще. Я говорю это со знанием дела, потому что потом ехал еще и в автобусе. Там тоже были молодые люди, двое, но явно не из университета. Они сидели; один говорил, а другой слушал и кивал:

– Трепанацию ему, блядь. Потом наассу в мозги, и хабарик туда вверну, а потом снова вдарю.

Это уже ПТУ, его современный аналог – колледж. Наверное, тоже экзамены на носу.

Под страхом казни

Сегодня 16 февраля, время заряжать бесконтактные проездные билеты.

В троллейбусе номер двадцать, на задней площадке, обосновался пожилой ебанько, в куцем и драном пальтишке. Глаза подернуты пленкой, как у мертвой птицы. Из дальнейшего крика выяснилось, что ему семьдесят три года.

К ебанько немедленно порулила билетерша классической наружности: неохватная вся, зад поддернут к затылку, в толстых шерстяных рейтузах. С прибором наперевес, проверять бесконтактные проездные билеты на предмет их заряженности.

Короче, что тут говорить.

Ебанько уворачивался от прибора и прятал карточку. Он озабоченно и монотонно бормотал, что не даст себя расстреливать из автомата.

– Не дам расстреливать.

Билетерша, торжествуя от морального и физического превосходства, крикнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.